

Василий: икона (изображение) на первый образ приходит¹. В других памятниках она излагается точнее: „почесть образа на первообразное приходит“, или „честь бо образа, яко же рече Василий, переходит на первообразное“². Здесь следует отметить также определение „образа“, приведенное в одной из статей Сборника Святослава: „Не бо бе есть тело в образе, но образ в теле, да тело оубо есть сущтие, а образ случай“.

О том, как понималось отношение изображения к тому, что оно изображает, говорит уже известное нам сравнение искусства с зеркалом — сравнение, которым пользовались задолго до XVII века. Автор „Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського“ применил его к литературному произведению. Приступая к похвале князю, автор предупреждает, что он не станет подражать „от оных древних елиньских философ повести“, но сложит „по житию достоверныя его похвалы“ как будто „в зеркале имый“ это „житие“³.

В летописях и других литературных памятниках древней Руси встречаются замечания об отдельных произведениях изобразительного искусства, преимущественно об иконах, заключающие в себе убеждение о соответствии изображения изображаемому в смысле сходства, достоверности изображения. „Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба“ — произведение русского автора XI века — рассказывает, как князь Ярослав построил церковь во имя своих братьев, князей Бориса и Глеба, убитых Святополком. Украсив ее „всякими красотами“, иконами и другой живописью, князь повелел написать икону с изображением Бориса и Глеба, чтобы входящие в церковь, смотря на их образ, видели как бы самих князей: „да входяще вернии людии в церковь ти видяше ею образ написан и акы самою зряще“⁴. Добрыня Ядрейкович, будущий новгородский архиепископ Антоний, описывая достопримечательности Царьграда, в котором он пробыл с 1200 по 1204 год, передает легенду о мозаичном образе Христа в Софийском соборе. Художник, исполнявший это изображение, заканчивая его, очень довольный своей работой, воскликнул: „господи, каким ты был живой, таким я и написал тебя!“. Тогда голос, исходивший от образа, произнес: „а когда ты меня видел?“. Испуганный художник умер, и на иконе один палец так и остался несделанным⁵. Во второй редакции повести о Меркурии Смоленском (памятнике начала XVI века) есть рассказ о явлении Меркурия после смерти пономарю той церкви, в которой он был погребен. Меркурий предстал изображенным на иконе „яко жив во всемь воинском подобии“⁶.

В отзывах древнерусских авторов о произведениях живописи часто можно прочесть выражение „как живой“ в качестве похвалы искусству художника. К такому сравнению прибегает, например, игумен Даниил

¹ Повесть временных лет. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, ч. I, стр. 79; ч. II, стр. 340.

² М. А. Оболенский. Исследования и заметки. СПб., 1875, стр. 151.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського. Труды Отдела древнерусской литературы, т. V, М.—Л., 1947, стр. 86. — Датируется „Слово“ первой половиной XV века (см. там же, стр. 92).

⁴ Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 18.

⁵ П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стлб. 18 и 67—68.

⁶ Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии смоленском. П., 1922, стр. 74.